

Геннадий Гребенник

ГРАЖДАНСТВЕННЫЙ СОЦИОЛОГ

(К 5-ой годовщине со дня смерти профессора И.М. Поповой)

Минуло уже пять лет с тех пор, как Ирина Марковна Попова (3.03.1931 – 28.05.2008) покинула этот мир, который был объектом ее пристального интереса. На протяжении четырех десятков лет она занимала совершенно особое положение в одесском социуме. И вот уже пять лет это место не занято. Ученый-социолог, она размышляла над коренными вопросами общественной практики. Одним из них был вопрос об интеллигенции. По этому вопросу у нас с Ириной Марковной состоялся серьезный «обмен мнениями» в период 2006-2007 годов. Об этом я и хочу рассказать. Но сначала попытаюсь обрисовать драматургию нашего диалога об интеллигенции.

* * *

Я был зол на интеллигенцию за «перестройку, которую мы потеряли». Очередной раз в момент исторического разлома интеллигенция привела народ в революционное возбуждение, вызвала реакцию распада государства и, самоустранившись, впала в депрессию. Славные поэты-звонари Евтушенко и Коротич немедленно слиняли в Америку пережидать и сублимировать в творчество очередную порцию бесценного опыта свободы. Господи, никого не хочу чернить и обличать. Если бы Бог организовал мне встречу с «великим поэтом земли Русской» Евтушенко, я не стал бы его ни в чем укорять, а просто сказал бы ему: «Ну, и идиотские рубашки Вы носите, Евгений Александрович!»

Я был зол на себя. Ведь уже не юноша, чтобы грезить о чудесных мирах и совершенных людях. Как я мог так обманываться и создавать себе кумиров? Но нас долго и правильно учили. Мы читали хорошие книги. Прекрасные тексты ученых публицистов «перестройки» также поддерживали иллюзии, что диагноз поставлен правильно, средство лечения найдено, политическая воля есть и есть энтузиасты-борцы. Победа будет за нами, и весь мир вновь услышит голос истины из Страны Советов. Увы, нас ждал архетипический русский конец: старуха с разбитым корытом.

Признанный интеллигент номер один академик Д.С. Лихачев трактовал русскую интеллигентность как «мирскую святость». А хорошо ли это? – задался я кощунственным вопросом. Интеллигенция – дрожжи русской истории. А если не дрожжи, и Ленин прав по существу?

В русском государстве возникла система, где существует непреодолимый разрыв власти и народа. Интеллигенция занимает в ее конструкции положение между властью и народом. Таким образом, это связующий элемент системы. Кому он служит? Власти или народу? Интеллигентский миф об интеллигенции утверждает – безусловно, народу. А если это не так? Что если наш брат интеллигент в своих лучших представителях сделан из того же материала, что и вожди? И вся разница между ними лишь в объеме и специфике власти. Кто на кого больше влиял: Александр Македонский или Аристотель, Наполеон или

Гете, Ленин или Горький, Сталин или Булгаков? Что если Горбачев – alter ego своих советников черняевых, арбатовых и шахназаровых? Как они – с придыханием, с великим уважением – об Андропове. Мол, вождь с интеллектом, достойный собеседник. Такому служить – одно удовольствие. Отношения между властной номенклатурой и интеллигенцией напоминает игру хозяина со своей собакой: он бросает мяч, а она с радостным лаем возвращает мяч ему. Служит!

Так ли уж интеллигенция чуждается власти? Нашим писателям и прочим людям творческого цеха и сегодня позарез необходимы медали, премии, лауреатство, чины и прочие формальные признаки отличия. Зачем? Потому что это особого рода власть, и как таковая она входит в общую систему власти. Заслуги перед властью дают право на распределение фондов и, конечно, на «пошалить».

Советская власть вполне могла бы третировать такую интеллигенцию, но не делала этого. Наоборот, она искусственно поддерживала репутацию «мыслящего тростника». Авторитетный эксперт, статусный интеллигент Виталий Третьяков свидетельствует: «В Советском Союзе интеллигенция была канонизирована, обожествлялась ничуть не меньше Ленина. И, кажется, сама поверила в свое божественное происхождение». Почему? По-моему, это одна из самых больших тайн российской системы управления страной.

В одном интервью умный циник, бывший интеллигент Глеб Павловский заявил: «Интеллигенция без власти существовать не может, ведь вирусу нужна клетка – ее ядро, стенки, питание». Станным образом с ним фактически согласился известный либерал Игорь Клямкин: «Интеллигенция в России – это такой антипод самодержавия. Органика для русской интеллигенции – пребывание в самодержавной системе, включая и советское самодержавие».

Не может интеллигенция без власти – ей от нее отталкиваться надо. Это – способ ее существования. Но и власть «провалится», если не обопрется на интеллигенцию как на своего посредника, союзника и кадровый резервуар. Если бы не Хрущев, не было бы Твардовского с его «Новым миром» и «Одним днем Ивана Денисовича» Солженицына. Если бы не Горбачев, мы бы никогда не узнали, какой смелый Юрий Афанасьев, какой умный Гавриил Попов и какой златоуст Анатолий Собчак. Вот и получается, что интеллигенция и власть вместе в либеральном тандеме сотворили трагедию – обрекли страну на распад и безвременье.

Теория взаимного использования лучше описывает характер взаимодействия интеллигенции и власти, чем теория их взаимного отталкивания. Интеллигенция – проект власти? Но также можно утверждать, что власть есть проект интеллигенции. Это хорошо иллюстрирует история «перестройки» и «постперестройки». «Супруги Горбачевы собирали интеллигентов для разговора по вечерам за чашкой чая. Через семейные дискуссии у них прошли десятки разных людей из интеллектуальной элиты, такие, как Г. Бакланов и А. Белов, Д. Гранин и И. Друцэ, М. Захаров и М. Шатров, В. Быков и Б. Можаяев. Были журналисты: Е. Яковлев, В. Коротич, В. Чикин, И. Лаптев, священники», – вспоминал помощник Горбачева А. Черняев.

Где-то в 1989 году либеральная интеллигенция стала роптать на Горбачева. Он топтался в нерешительности, отказывался следовать ее призывам двигать страну «дальше, дальше, дальше...». Тогда она отказала своему вчерашнему кумиру в поддержке и стала дружно переходить под знамена «радикального реформатора» Ельцина. Один из самых активных интеллигентских активистов той поры Олег Басилашвили рассказывает: «Мы очень поддерживали Бориса Николаевича. Мы его привели к власти, а дальше пусть он делает. Он знает, что делать». Как пел Высоцкий: «Жираф большой, ему видней». Но «жираф Ельцин» не знал, что ему делать. Поэтому пригласил в правительство другую, еще не пользовавшуюся властью фракцию интеллигенции. Постшестидесятники, выходцы из академических институтов и НИИ, «завлабы» Е. Гайдар, А. Чубайс, Б. Немцов, А. Шохин, А. Нечаев, П. Авен, Б. Федоров, В. Кириенко и другие подобные им «ребята» обнаружили поразительный технологизм в подходе к буржуазным реформам, тяжкие последствия которых погрузили в нищету десятки миллионов. Они открыто провозгласили: «Долой равенство! Обогащайтесь как можете!» Это фактический аналог призыву: «Грабь награбленное!» В результате их «реформ» страна была разворована и возник новый «союз нерушимый» - олигархов и бюрократии.

К этой новейшей генерации интеллигенции лучше всего подходит термин, который придумал А.А. Зиновьев, - *интеллигентура*. Она отряхнула со своих ног прах двух генераций российской интеллигенции, дореволюционной и советской, и впервые в истории с пользой для себя реализовала свое положение прослойки между властью и народом. Народ - быдло, зато «массовая аудитория», готовая голосовать «как надо». Царь - негодяй и пропойца, зато послушен, собака. Таково краткое резюме интеллигентской политики в постсоветское время.

* * *

В общем, радикально пересмотрев свое отношение к той социальной группе, к которой и сам себя причислял, я проделал примерно ту же работу, что и авторы знаменитых «Вех». И вот пребывая в таком умонастроении, я получил в 2006 году приглашение от Ирины Марковны принять участие в обсуждении только что вышедшей в печати ее книги «1989 – 1991. Диагноз времени». Эта книга была посвящена анализу эволюции общественного мнения в Одессе и области в самый драматический период «перестройки», когда народ пришел в движение. Но не только об этом. В книге был описан опыт участия группы социологов под ее руководством в открытом демократическом процессе. В заключении книги Ирина Марковна попыталась ответить на самые мучительные для нее вопросы: почему «перестройка» провалилась и могла ли она состояться, если бы не стратегические ошибки политического руководства.

Обсуждение состоялось на кафедре социологии нашего Института социальных наук Одесского университета имени И.И. Мечникова. Собственно, именно с того обсуждения между нами начался содержательный диалог на тему «Интеллигенция и власть». Я адресовал ей вопросы с подтекстом: нужно ли было интеллигентному человеку в этом участвовать; не жалеет ли она, что власть использовала ее гражданский энтузиазм? Сам-то я весьма активничал на публицистическом «фронте» в те годы и по большому счету свои упреки в политической близорукости, особенно в идеализации Горбачева, мог отнести и

на свой счет. Но к этому времени я «разобрался», и мне хотелось знать, как Ирина Марковна оценивает свою общественно-научную деятельность в годы «перестройки» под девизом «Чем поможем Горбачеву». Можно сказать, я выступал в роли Плеханова, который заявил Ленину после поражения революции 1905-1907 гг.: «Не надо было браться за оружие!» Эта «премудрость» есть проявление «заднего ума». Ирина Марковна уловила в этих вопросах мое «антиинтеллигентское» настроение, нотки «отказника». Ей это не понравилось.

Будучи на «плехановской» волне, я не дал себе труда вчитаться в ее книгу и, естественно, не уловил того настроения, которым она проникнута. Да и многого не знал. И только когда со специальной целью стал изучать ее работы в ведущих социологических журналах России и Украины, прочитал ее пронзительные статьи в местной печати в роковые дни 1991 года, я наконец понял, как она вложилась в «перестройку», сколько личного мужества, страсти, сил и воли к борьбе отдала в этом решающем сражении, которое мы все проиграли. Она как солдат, превозмогший страх, встала «из окопа» в полный рост и пошла в атаку. Переосмысливая в книге свой опыт участия в политике, она не просто сожалела о потерянной «перестройке» – она страдала. Она, как никто, понимала, что мы потеряли историческую перспективу, что мы как народ перешли в разряд народов неисторических, неинтересных, ненужных Матери-Истории.

Мое участие в обсуждении книги Ирины Марковны имело положительный эффект: у нас наметился новый период сближения, наладилась переписка. К тому же был повод: я дал согласие на обсуждение трех моих статей о роли интеллигенции в политической жизни общества на научном семинаре кафедры социологии. На протяжении апреля 2006 – декабря 2007 года я посылал Ирине Марковне электронной почтой свои новые публикации, а она мне свои.

Обсуждение моих статей проходило на кафедре социологии в мае 2006 года. Выступление на нем Ирины Марковны было записано на диктофон. Поэтому у меня есть возможность воспроизвести его полностью.

«На что я обратила внимание, когда читала все три статьи Геннадия Петровича. Как всегда, многие споры обусловлены неопределенностью понятий, которые употребляются. Мне казалось, что все время происходит соскальзывание от одного к другому. Допустим, вхождение в политику и вхождение во власть. Интеллигент может или не может входить в политику? Часто в контексте имелось в виду, что он не может, не должен входить во власть. Но не было такой определенности. Затем, входит ли он как общественный деятель в политику? Позиция интеллигента, даже если он непосредственно не занимается политикой, его публичная позиция и его выступления как общественного деятеля существенным образом влияют на политику.

Я уточняла позицию Геннадия Петровича. Вроде он также думает. Но когда обсуждали мою работу, мне показалось, что он стоял немножко на других позициях, имея в виду, что стремление социолога донести что-то совершенно бессмысленно и т. д. Мне кажется, все равно это оказывает влияние, все равно это совсем бесполезно. Мы должны всегда отстаивать свою позицию и пытаться донести ее до общества. И это есть наше вхождение в политику. Далее, мне кажется, что имеет место некоторое противопоставление морали и политики. Значит, у Геннадия Петровича мораль – это дух, а политика – это материя. Ничего подобного. Мораль – это не только дух, но и материя. Имеется в виду, что практические поступки оцениваются с точки зрения морали. Поступок может быть

морален и неморален. И он нисколько не меньше материя, чем политика. А политика то же самое – это определенный дух и определенная материя. Тем более что Бурдые представляет политику говорением. Он прямо утверждает: это говорение. Политика – это вербальное действие. Но на самом деле политика – это вполне практические вещи.

Теперь еще об интеллигенции и позиции интеллигенции. В чем может заключаться наша позиция как общественных деятелей? Допустим, если мы выполняем заказ власти провести какое-то научное исследование. Означает ли это, что мы служим власти? С моей точки зрения, я была бы очень рада, если бы власть нам давала заказ. Допустим, готовится какое-то управленческое решение, ну, к примеру, то, с чем я имею дело, по поводу бездомных детей. Почему бы не создать такой проект и провести серьезное предварительное исследование и заплатить, так как это требует финансовых затрат? Это – заказ. Я считаю, это вполне моральный, нравственный поступок. Более нравственный, чем мы просто выступаем и о чем-то говорим. Мне кажется, что такое сотрудничество с властью совсем не дискредитирует интеллигенцию. Наоборот. Другое дело, кот Васька слушает и кушает. Но мы в 1989-91 годах, может быть, недостаточно, все-таки действительно полезное дело делали, подавали справки и прочее, и прочее. Я, например, до сих пор встречаюсь с некоторыми бывшими тогда функционерами. Серов мне говорил, что они многое интересное у нас почерпнули. Не совсем получилось так, как нужно, но я считаю, что эта позиция вполне была правильной.

Теперь в отношении интереса. Получается, что интерес – это вроде как нечто корыстное, личный интерес. Я считаю, что личный интерес – это совсем неплохо. Если необходимость выступать за права человека, необходимость критики, когда мы видим, какие неправильные решения принимаются и т. д., и т. п., – если это не есть мой личный интерес, то никакого толку от этого не будет. То есть личный интерес – это совсем неплохо.

Кстати, противопоставление государственной власти и интеллигенции с моей точки зрения тоже неверно. Интеллигенция может выполнять определенные функции, полезные именно государственной власти. Мне кажется, излишние противопоставления в общем неправомерны. Теперь еще, почему интеллигенция должна обязательно находится в оппозиции к власти? Совершенно не обязательно. Интеллигенция должна быть носителем истины, то есть понимания того, что целесообразно в данных условиях для широкой массы населения. Не для какой-то группы, а для широкой массы населения. Что целесообразнее, что нужно сделать. Для этого совсем необязательно находится в оппозиции к власти. Я вспоминаю один разговор с Заславской. [Татьяна Ивановна Заславская – выдающийся советский социолог, академик РАН, основатель и первый директор ВЦИОМ, консультант М.С. Горбачева. – Г.Г.] Она тогда сама баллотировалась, была депутатом и пыталась там научные методы ввести, проведение опросов, как поддерживаются или не поддерживаются те или другие решения. Она говорила, что это была наша ошибка. Мы не должны были входить во власть непосредственно, но это совсем не значит находиться обязательно в оппозиции к власти, это совсем не значит не иметь никаких личных интересов. Короче говоря, необходима большая гибкость в решении этих вопросов, диалектичность своеобразная, а не или-или».

Стоп! А правильно ли я отказался от традиционного образа интеллигенции как народолюбивого, совестливого слоя образованного общества в пользу негативного образа интеллигентуры? Третьяков с Павловским писали о неприглядной роли интеллигенции, исходя из знания фактов: какие мотивы сподвигли на известные поступки известных лиц. Они знали кухню и технологию приготовления острых политических блюд, которыми столичные

интеллигентские группы потчевали и власть, и народ. Этих московских «штучек» Ирина Марковна не знала так же, как и я.

Но ведь не все так однозначно. Ю. Афанасьев осудил Е. Гайдара и его антинародные реформы. Г. Попов с Н. Шмелевым также дистанцировались от этих «чикагских мальчиков». И даже человек с очень говорящей фамилией Шахрай испугался своего «шахрайства» в Беловежской пуще и поспешил уйти из политики. Но, самое главное, миф о русской интеллигенции оправдывался существованием Ирины Марковны Поповой, ее мужа Леонида Николаевича Курчикова, Авенира Ивановича Уёмова, Александра Геннадьевича Мучника, других интеллигентов, которых я лично знаю. Нет, жив курилка!

Принадлежность Ирины Марковны Поповой к классической интеллигенции невозможно поставить под сомнение, настолько очевидно, ярко, незамутненно были явлены в ней черты этого человеческого типа. В этой маленькой сухонькой женщине обитал неукротимый дух, что-то самоотверженное и непреклонное. Она была *не согласна!* Не согласна с Властью. Вначале советской, которая позиционировала себя как власть трудящихся, но на самом деле была властью партийно-государственной бюрократии с присущими ей формализмом, начетничеством, безразличием к людям. Потом вместе с независимой Украиной появилась «новая» власть. Но ее антинародная сущность почему-то осталась неизменной, хотя ее легитимность основывается на демократических процедурах. Переход от одной Украине к другой был символично обозначен фигурой Л.М. Кравчука, переложившего власть из одного кармана в другой. Конечно, лучше уж перевертыши и ренегаты, чем националистические вурдалаки. Но с точки зрения моральной (а только она и была приемлема для Ирины Марковны) Кравчук-президент – это верх пошлости и лицемерия. Так национальные движения не побеждают, так побеждают бюрократии.

Ирина Марковна была *гражданственным социологом*, то есть в прямом смысле слова относилась к интеллигенции как социальной группе, характеризующейся нравственной установкой на жизнь ради «простых людей». В этом она видела предназначение социологии – не познание ради истины, а познание ради улучшения жизни. Это – кредо интеллигента чистой воды.

Ее последние выступления выглядят как завещание. О чем говорила Ирина Марковна в своей заповедной речи «Публичность социологии» на Первых Международных социологических чтениях памяти Наталии Паниной 10 декабря 2007 года, за полгода до ухода из жизни? Она твердо заявила: «Считаю, что социология, по самой своей сути, является публичной наукой, если иметь в виду, что она изучает человека в обществе и общество в человеке, имеет в поле зрения самые различные сферы, самые различные свойства, характеристики, проявления личности. Социология должна быть публичной наукой и является ею, а также является основой гражданственности».

Видимо, так устроена машина по производству идеологических мифов, что весь негатив проецируется на прошлое. Выступая перед ней, уважаемый социолог, ректор Харьковского университета В.С. Бакиров говорил о «подпольной социологии» советского периода. Ирина Марковна с ним не согласилась: «...я хотела бы сказать, возражая квалификации этого периода как

времени «подпольной социологии»: мы имели гораздо больше, чем сейчас, возможностей для проведения масштабных, именно нужных и актуальных исследований».

Обращаю внимание демократов и националистов – не просто «больше», а «гораздо больше». С развалом СССР социология оказалась под колесами рынка. Как и все другие интеллигентные профессии, как наука в целом, она перешла в режим выживания. В значительной степени были утрачены исследовательские традиции. Социологическое образование да плюс политические рейтинги и маркетинговые исследования, которые – как бы многим этого ни хотелось – наукой не назовешь – вот и все что осталось от бывшего размаха. Глядя, как «решают вопросы» современные управленцы независимой от СССР России и независимой от России Украины, понимаешь, что социология им не нужна. По стилю работы они сильно смахивают на министра-администратора из фильма «Обыкновенное чудо». Этот министр все время был предметно занят «экономикой»: «шесть фунтов королю, из них три мне; три фунта принцессе, из них полтора мне». Наука в его планы не входила, но ведь кто-то обучил его арифметике?

В фильме Александра Столярова об Алексее Германе-старшем передана атмосфера германовского существования: живут бок-о-бок близкие люди, живут без грязи, лицемерия, не допуская предательства. В отношении к людям и к профессии абсолютно бескомпромиссны. Они все время разрешают один и тот же вопрос: что есть жизнь, достойная человека. Ни налаженный быт, ни шмутки, ни деньги, слава и власть к этому вопросу не имеют никакого отношения. Все это пыль. Ложь мира останавливалась на невидимой границе их, казалось бы, зыбкого мира тонких человеческих отношений. Как такое возможно? Власть – это тигр, с которым Герман всю жизнь плыл в одной лодке, борясь за право на идентичность. Герман не ломался и не менялся, менялась власть, вернее, конъюнктура власти. Он умер, потому что предельно устал. И президент страны выразил соболезнование семье, а миллионы людей мысленно поклонились его памяти. Вот что такое драма подлинного интеллигентского бытия.

Эту же атмосферу я ощущал в семье Ирины Марковны Поповой – Леонида Николаевича Курчикова. Ирина Марковна создавала вокруг себя моральное поле, в котором неуютно чувствовали себя «нехорошие люди». Да и «хорошие» напрягались, подтягивались. При ней боялись делать подлости. Ее нет с нами, и кому-то стало значительно легче. Оглядываясь на свою жизнь, Ирина Марковна сказала: «Почему я жила именно так, а не иначе — я не задумывалась. Я делала именно то, что мне хотелось, и этим была счастлива». Так бывают счастливы люди, которые живут в полном согласии со своей совестью.

Великий интеллигентский миф имеет право на существование, когда есть его носители. На их фоне господа павловские мельчают. И ум не спасает их от бесчестия.

Опубликовано: Окна: Газета гильдии собственных корреспондентов в Одессе, № 8 (409); № 11 (412) за 17 июня 2013 г.